

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

НЕСКОЛЬКО ДРЕВНИХ ЛАТИНСКО-СЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

В предлагаемой работе анализируются некоторые факты эти-мологии, словообразования, сочетания слов и морфем, объединяющие латинский и славянский. Связь между латинским и славянским принято рассматривать в общем ряду родственных связей древних индоевропейских диалектов между собой. Насколько известно, никто не ставил вопрос о преимущественном или исключительном характере древних языковых отношений латинского и славянского. По-видимому, считается, что материал для этого отсутствует. В известной книге В. Порцига¹ раздел «Итальянские языки и славянский», занимает одну-две страницы (из словообразования и лексики там приведены соответствия лат. *ōstium*: слав. *istъje*, названное «сходным явлением», лат. *mortuus*: слав. *тьrtvъ*, новообразование, tolкуемое автором как влияние западных индоевропейских языков на славянский, далее — лат. *hospes, hospitis*: слав. *gospodъ*, культурный термин лат. *secūris*: слав. *seyra*, лат. *cāseus*: слав. *kvasъ*). Очевидно, что поверхностный перечень Порцига далёк от полноты и не может служить достаточным основанием для тех или иных суждений по названному вопросу².

Сама методика исследования латинско-славянских связей разработана ещё недостаточно (примером может служить статья Я. Сафаревича об итальянско-славянских языковых связях³, где лексический материал рассматривается по грамматическим категориям, что вряд ли можно считать удачной исследовательской процедурой, поскольку при этом неизбежно упускается из виду лексико-семантическая специфика слов и групп слов).

Нас здесь интересуют в первую очередь исключительные или преимущественные связи латинского и славянского в лексике, носящие древний характер. При этом не всегда легко провести

¹ В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 197 и сл.

² Попутно отметим следующее небезинтересное высказывание автора: «Особых соответствий, связывающих итальянские языки с балтийским, нет» (В. Порциг. Указ. соч., стр. 199).

³ J. S a f a r e w i c z . «Rocznik slawistyczny», t. XXIII, cz. 1, 1964.

различие между общим архаизмом и общей инновацией. В ряде случаев этот вопрос остается открытым. Показательной для общих языковых переживаний обычно считается только общая инновация, а не общий архаизм, однако в этом видна определенная недооценка у слов и их сохранения общего архаизма; этими условиями тоже могли быть совместность языковых переживаний, языковой контакт. Весьма поучительно в типологическом отношении сослаться при этом на так называемую «теорию холодильника», Kühlschranktheorie B. Кипарского, выдвинутую этим ученым для объяснения оборота nominativus cum infinitivo в русском языке типа *земля пахать*, *печка топить*, *душа спасать*⁴. Кипарский пришел к заключению, что корни этой конструкции уходят в глубокую древность как в финноугорском, так и в индоевропейском, но в то время как в большинстве индоевропейских, славянских языков именительный падеж при инфинитиве был заменен винительным прямого объекта, русские (преимущественно северновеликорусские) диалекты лучше сохранили старый оборот под влиянием сходного оборота в соседних или субстратных финских языках. Существенно, что сохранение общего — или в данном случае сходного — архаизма оказалось возможным именно вследствие языкового контакта, иначе говоря — общий архаизм свидетельствует о языковых контактах.

Таким образом, не считая необходимым проводить навязчивое разграничение между общей инновацией и общим архаизмом, подчас затруднительное при решении вопросов большой древности, мы, естественно, отдаем себе отчет в бесспорной важности выявления общих новообразований. Из выдвигавшихся нами ранее латинско-славянских лексико-словообразовательных параллелей к совместным инновациям могут быть отнесены следующие: слав. **gъrnidlo* ‘горнило, вместилице печи’ (русск.-ц.-слав. *гърнило*) — нар.-лат. **furniculum* (откуда, напр., соврем. франц. *fournil* ‘пекарня’, ‘прачечная’)⁵; слав. **gъrnyсь* ‘глиняный сосуд, горшок’ — лат. *fornix*, вин. п. *fornicem* ‘свод, арка’⁶; слав. **dъvigo* (словин. *dvigə* ‘ярмо для двух волов’) — лат. *bīgae* ж. р. мн. ч. ‘двойная упряжка’ < **dūiugai*⁷. Сюда примыкает предложенная нами в самое последнее время преимущественно латинско-славянская (с участием осетинского) параллель слав. **mystlb* ‘мелкий зверек, белка-летяга’ (ср. реликт *мыслию по дрееву* в «Слове о полку Игореве»,

⁴ V. Kiparsky. Gibt es ein finnougrisches Substrat im Slavischen? «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», ser. B, t. 153, 4. Helsinki, 1969, стр. 19 (там же остальная литература).

⁵ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт грушевой реконструкции). М., 1966, стр. 196.

⁶ Там же, стр. 197.

⁷ О. Н. Трубачев. Заметки по лехитской этимологии. «Исследования по польскому языку». М., 1969, стр. 305.

русск. диал., псковск., мысь ‘белка’) — лат. *mūstēla* ‘ласка’⁸, общая инновация или, может быть, общий архаизм, если учитывать реликтовый характер элемента *tel-/*-tl- < и.-е. *tel- ‘носить(ся)’ в обоих образованиях⁹.

Интересные примеры старых словообразовательно-лексических параллелизмов латинского и славянского дал В. Н. Топоров: слав. **domosēd-* — лат. *domisēda*, слав. **vele-l'ub-* — лат. **uolub-* (откуда *uoluptas*)¹⁰.

Мы представляем себе латинско-славянские лексические соответствия или параллелизмы как словообразовательно-разветвленные. Раньше уже приходилось называть примеры такого рода, когда параллелизм, многократный по своей природе, охватывает производящую основу (слав. **gъrn̥t̥* — лат. *furnus*) и производное или производные (соответственно: **gъrn̥t̥sъ*, **gъrnidlo* — *fornicem*, **furniculum*). Как видим, архаизмы и инновации могут образовывать сложные переплетения, и именно эта сложность придает получаемой картине или фрагменту языковых отношений как бы привкус реальности, которого нас лишает более ригористическое решение проблемы (или архаизм или инновация...). Словообразовательная инновация может вырастать на базе общего архаизма в буквальном смысле, ср. производные от общей индоевропейской праформы с суффиксами *-tl-, -k-, которые являются отнюдь не банальными инновациями (отсюда слав. **gъrnidlo*, **gъtgъtъsъ*, лат. **furniculum*, *fornix*, о которых — выше). Далее, словообразовательная инновация способна содействовать консервации, сохранению также архаической производящей основы, в иных случаях она сигнализирует древнее наличие последней косвенно. Ср. слав. **kōšъ* (ст.-слав. кошъ *χόφινος*), **koslъ* (русск. *кошель*) — лат. *quālus* (**quas-lo-*) ‘плетеная корзина’, уменьшительное *quasillus* ‘корзиночка’ (в литературе по этимологии обычно почему-то игнорируется эта специальная общность *-l-* производного, охватывающая латинский и славянский). В последнем случае латинская производная форма лишь косвенно указывает на древнее наличие непроизводного архаизма **quas-*, тогда как славянский богаче, в нем сохранился и архаизм без *-l-* и производная инновация на *-l-*.

В связи с основной темой настоящей статьи мы хотели бы обратить внимание на интересный славянский оборот **věno datt.* Основной напп материал, документирующий это словосочетание, происходит из русскоцерковнославянских и древнерусских текстов:

⁸ О. Н. Трубачев. Ещё раз мыслию по древу. «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков». М., 1974.

⁹ В. И. Абаев (В. И. Абадеев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 28, 80, 130—131) сравнил лат. *mūstēla* и осет. *mystulæg* ‘ласка’, но толковал оба слова, в отличие от нас, как деминутивы.

¹⁰ В. Н. Топоров. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. «Этимология. 1972». М., 1974. — См. его же статью о слав. *istъ* — лат. *iste*: КСИС 25, 1958, стр. 80 и сл.

аще ли ии⁸ поиметь себѣ и потребныа и ризы и вѣно ея дастъ еи... Исх. XXI. 7—11; здесь *вѣно дати* значит 'дать приданое'¹¹. Довольно богатый дополнительный материал, иллюстрирующий это словоупотребление, приводит «Словарь древнерусского языка XI—XIV веков» под редакцией Р. И. Аванесова (вып. I, рукопись, Институт русского языка АН СССР) и особенно — картотека этого Словаря, хранящаяся в Институте: вѣно дати за нѧ по силѣ имѣнья ихъ. Рязанская кормчая 1284 г., л. 278 в—г; мужъ оубогъ сы все вѣно дати долженъ есть. Рязанская кормчая 1284 г., л. 285а; ... и вѣно прежебрачныи даръ дати за нѧ. по мѣрѣ имѣнья ихъ. Кормчая Варсонофиевская, конец XIV в., л. 273а. Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV веков, содержащая исчерпывающую выборку примеров с *вѣно дати* из Рязанской кормчей, Кормчей Варсонофиевской и Мерила Праведного, насчитывает также немало других выражений, которые — прямо или косвенно — восходят к инфинитивному обороту *вѣно дати* (*вѣно дати*): не дадыи вѣна, даному за ню вѣну, жена, не давъшиа вѣна, оѣи вѣно дата. Ближайшим преобразованием конструкции *вѣно дати* являются предложные обороты *въ вѣно дати, за вѣно дати*: ... дастъ ѹ Фараось въ вѣно дщери своеи. Иис. Нав. XVI. 10¹²; и оженися Владимиръ царицею Анною и дастъ Корсунъ царема за вѣно ... Рогожский летописец, 15. XV век; тотъ городъ ... въ вѣно данъ королевнъ ... Польские дела III, 803. 1571 г.¹³ Картотека Древнерусского словаря XI—XVII веков, кстати сказать, кроме производного *вѣноданый, приданный, єпїпрокос, проихос, dotatus, dotalis* из Лексикона треязычного Ф. Поликарпова 1704 года, дает только преобразованные обороты с предлогами *въ вѣно, за вѣно* (вдасть, данъ, дати): тѣмже и въ вѣно да ѿи Римъ καὶ ἐν τοῖς προικίοις ἐδωρήσατο αὐτῇ τὴν Ρώμην. Откровение Мефодия Патарского I. XII—XIII вв. И уже как откровенная порча этих преобразованных приставочных конструкций предстают случаи вроде: дастъ ѹ фараонъ въ завѣнио дщери своей (ἐν φερυῆ). Иис. Нав. XVI. 10¹⁴; дастъ ѹ фараоф въ смѣнио дщери своей ... Иис. Нав. XVI. 10¹⁵.

Основной оборот *вѣно дати* всегда оставался ясным и прозрачным по составу, что следует из наличия синонимичных конструкций с заменой глагола: аще му⁹ приемъ вѣно въсходюще¹⁰ /иеже по ѿбычаю вѣно створити/ своеи ѿбрученні хотащи/ за нъ поити ... Рязанская кормчая 1284 г., л. 276 л. (Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV веков). Примерно о том же свидетельствует соотносительная с *вѣно дати* конструкция в з а т и вѣно в той же кормчей, употребленная о жене, которая желает

¹¹ Срезневский I, стб. 486—487.

¹² Там же.

¹³ Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I. М., 1974.

¹⁴ Срезневский I, стб. 904.

¹⁵ Срезневский III, стб. 450.

развестись с мужем, будучи оскорблена несправедливым обвинением в прелюбодеянии.

Прозрачность оборота *вѣно дати*, иллюзия почти полной свободы сочетания слов в нем оборачивается роковым образом для исследователя в том смысле, что лексикографы почти без исключения проходили мимо этого факта языка (словаря и фразеологии), интуитивно опуская его, видимо, по мотивам принадлежности к подвижной стихии речи. Мы полагаем, что эта иллюзия обманчива и что перед нами — древнейшая правовая конструкция — формула. Молчание словарей русского языка на этот счет есть лишь лексикографический дефект. Так, например, если ни словарь Даля, ни «Словарь русских народных говоров» (ни другие доступные нам русские словари) не приводят выражения *вено дать*, оно, тем не менее, достоверно известно в русских народных говорах. Южновеликорусский говор деревни Голяковка Мглинского района Брянской области знает *вено дать* ‘дать приданое за невестой’: за ёю такоё вёна бага́тæ дáли¹⁶.

Значение ‘дать приданое’ было, таким образом, господствующим у этого оборота, судя по приведенным примерам из древнерусско-церковнославянских памятников и далее — вплоть до современных русских народных диалектов. Но оно не единственное и даже не самое древнее, если взглянуть на это словосочетание из более далекой временной перспективы. Кроме внешних данных, к которым мы обратимся ниже, есть прямые свидетельства об этом и в древнерусском: и то высед а с и в ъ н о гноу моюмоу лусимахоу...¹⁷ Здесь *вѣно* — не ‘прежбрачный дар’, ‘приданое’, каковым оно выступает в сочетании с глаголом *дати* обычно в древнерусских кормчих книгах; оно значит в данном случае ‘плата, выкуп’¹⁸, откуда *вѣно дати* — ‘уплатить, дать выкуп, выкупить’.

Некоторое количество соответствий может быть приведено из словарей других славянских языков: польск. *dać wiano*,ср. пример из «Идиллий» польского поэта Зиморовича, приводимый как словарем Линде, так и Варшавским словарем: *Za wieńcem daję wiano*¹⁹. Два примера оборота *dać wiano*, точнее — преобразованного *dać na wiano* ‘дать (на) приданое’ приводит из польских народных говоров Я. Карлович²⁰: *Nie frasuj się dziewcyno, dam sto złotych na*

¹⁶ Этой информацией я обязан И. Ф. Протченко, уроженцу этих мест. Кстати, «Словарь русских народных говоров» (гл. ред. Ф. П. Филин, вып. 4. Л., 1969, стр. 114) указывает *вёно* ‘приданое’ из курских, рязанских говоров, а производное *вёница* ‘невеста’ с приданым — из брянских говоров, т. е. главным образом южновеликорусских, и только один пример — из бывшей Нижегородской губернии (Ардатов).

¹⁷ Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, стр. 240 (л. 137 а—б).

¹⁸ Срезневский I, стб. 486—487.

¹⁹ Linde [изд. I] VI, стр. 180; Варшавский словарь VII, стр. 534.

²⁰ J. Karłowicz. Słownik gwar polskich VI, стр. 99.

wino. Da na bogate wiano (krowy). Довольно хорошо был, по-видимому, представлен оборот *věno dátī* в значении ‘дать приданое’ в старочешских правовых и летописных текстах, ср.: *věno dátī nevěstě*. Хроника Далимила; *dal za věno zeti svému*. Там же²¹.

Сведениями о распространении этого оборота в южнославянских языках мы не располагаем. Конечно, на основании недостатка сведений или упомянутой выше неполноты словарей еще нельзя заключать прямо об отсутствии оборота **věno dati* в соответствующих языках вообще. Неслучайно, однако, с другой стороны, как раз в южнославянских языках крайне слабо представлено само имя **věno*: указывают на болг. стар., диал. *věnō* ‘выкуп за невесту’, ‘приданое’ и на следы производного ст.-слав. книжки ‘продавать’ в македонских солунских говорах²². Далее, **věno* сохранилось, как известует из предыдущего, в восточнославянских языках (во всяком случае в русском и украинском), из западнославянских особенно выделяется чешский, где это гнездо более всего развито и где до сих пор представлены слова *věno* ‘приданое’, *věnovati* ‘дарить’, ‘жертвовать’, ‘посвящать’ и оборот *dátī věnet* ‘дать в приданое’. Тем не менее, мы не преследуем цели выяснения географии оборота **věno dati* в славянских языках. Для нас здесь важно другое — то, что имеющиеся данные говорят о бесспорной праславянской древности оборота **věno dati*.

На эту констатацию мы можем опереться, чтобы перейти теперь к внешнему сравнению с лат. *iēnūt dare* ‘продавать’. Сближение и идентификация слав. **věno dati* и лат. *iēnūt dare*, *iēnūt dō* настолько очевидны, что кажется странным, если они не были предложены до сих пор. Мы выдвигаем это тождество и пытаемся ниже обосновать его, поскольку оно не встретилось в известной нам литературе, между тем как важность его и необходимость не нуждаются в особых доказательствах²³. Латинское

²¹ Jungmann V, стр. 69; Kott IV, стр. 622—623.

²² К. Мирчев. Един мним западнославянизъм в старобългарските паметници. «Slavia occidentalis» 12, 1933, стр. 135; Георгиев [и др.]. Български етимологичен речник. Свездка II. София, 1963, стр. 134; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 219.

²³ Уже после того как настоящая статья была написана и представлена в качестве доклада на конференции по индоевропейскому языкознанию в Институте славяноведения и балканстики АИ ССР — 12—14 декабря 1972 г., В. Н. Топоров любезно предоставил мне возможность ознакомиться с рукописью его работы о праслав. **věno*, **věniti*, где излагается весьма близкая точка зрения. В частности, праславянское выражение **věno dati* возводится к индоевропейскому фразеологизму типа **dēsn-/*dōsn-dō-*. Заслугой В. Н. Топорова является то, что он указывает на продолжения этого оборота, помимо славянского и латинского (см. выше), также еще в греч. (homer.) ὕου ἔδωκε, др.-инд. *vasnam dadāti*. Правда, тем самым фактически как бы ослабляется наш тезис об исключительности славянско-латинского соответствия **věno dati* — *iēnūt dare*, однако сочетание этого соответствия с параллелизмом **věniti* — *iēnūt ire*, *iēnire* (см. о нем ниже) все-таки замечательно. В. Н. Топоров в названной работе обратил внимание и на связь слав. **věniti* с лат. *iēnūt eo*,

выражение *uēnūt dare*, рано свернутое в одно слово *venundare*, *uēndere* (признак значительной идиоматизации), состоит из имени *uēnūt* 'продажа', которое иногда толкуют как винительный от незасвидетельствованного **uēnūs*²⁴, и глагола *dare* 'дать'. Слово-сочетание это своеобразно, можно сказать, — иррационально с точки зрения латинского словаупотребления, ибо оно значит 'да вать продажу'. На это обратил внимание Бенвенист, специально занимавшийся латинской и родственной индоевропейской лексикой купли-продажи: «эта тесная связь, установившаяся между *uēnūt* и *dare* принадлежит к числу наиболее своеобразных фактов: понятие 'продать' определяется в латинском как 'дать определенным образом', с уточнением *uēnūt*²⁵. Бенвенист не только не вспоминает о слав. **vēno dāti*, но вообще исходит из молчаливого убеждения, что славянский не знал соответствия лат. *uēnūt*. Например, лат. *uēnūt* он возводит к и.-е. **wes-* 'покупать', которое, по его мнению, охватывает хеттский, индо-иранский, греческий, латинский, армянский, тогда как в славянском, балтийском, греческом, кельтском и индо-иранском представлено в этом значении и.-е. **kʷr-*²⁶. Бенвенист в данном случае стоит на той же позиции, что и другие этимологи-латинисты (ср. Вальде — Гофман), считающие, что между слав. **vēno* и лат. *uēnūt* нет родства. Мы теперь склоняемся к мысли, что из двух основных индоевропейских этимологий слав. **vēno* наибóльее вероятно именно сближение с латинским словом, а конкурирующее сближение слав. **vēno* с греч. ἔδυον 'приданое' (и далее — др.-в.-нем. *widomo*, нем. *Wittum* 'приданое')²⁷ должно быть все-таки оставлено и отнесено к разряду случайных сходств типа лат. *deus*: греч. θεός. Дело здесь не в фонетических трудностях, потому что фонетически **vēno* объяснимо из **uednom* с ранним упрощением сочетания *dn* в славянском, и, наоборот, с определенными фонетическими препятствиями приходится считаться этимологии **vēno*: *uēnūt*, потому что славянский, в отличие от латинского, не знает заместительного удлинения типа **uesn- > *uēn-*, кроме того, -*s*- в этой позиции не должно было ни перейти в -*x*-, ни выпасть, вопреки А. И. Соболевскому²⁸. Един-

uēnūre 'продаваться', но он рассматривает их в общем ряду с греч. ὕνεμα, др.-инд. *vasnayati*, хетт. *uššanija-*, глаголов близкой семантики, производных на -*ie-/io-* от имени **uēsn-/uōsn-*. Интересно отметить совпадение наших взглядов с В. Н. Топоровым о слав. **vēniti* как первоначальном сложении (о составе сложения см. далее).

²⁴ W a l d e — H o f m a n n II, стр. 753—754.

²⁵ É. B e n v e n i s t e. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Économie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 125.

²⁶ Там же, стр. 127.

²⁷ Так см. W a l d e — H o f m a n n, там же; О. Н. Т р у б а ч е в. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 144 (с литературой); F. F r o e h l e. Zur lateinischen Lautlehre. — BB XVI, 1890, стр. 212; M a c h e k², стр. 683; G. S h e v e l o v. A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 194.

²⁸ А. И. С о б о л е в с к и й. Русско-скифские этюды. — ИОРЯС XXVII, 1924, стр. 327.

ственний выход — принять вместе с Брюкнером²⁹ для славянского праформу **uē-po-t*, без *-s-*, которое было в вариантной праформе **ues-po-t* латинского и некоторых других родственных названий. В остальном же обе этимологии слав. **vēpo* почти одинаково solidны и имеют сильные стороны, аргументы за и против кажутся уже исчерпанными, так что остается или смириться с особой трудностью этимологической дилеммы **vēpo*, как сделал Фасмер³⁰, или предпринимать комбинации из обеих этимологий³¹, если по-прежнему все внимание сосредоточивать на одном слове, игнорируя контекст. Но яркий и устойчивый контекст употребления лат. *uēpum* — с одной стороны — и тождественный устойчивый контекст слав. **vēpo* — с другой стороны — показывают нам ошибочность устоявшейся изолирующей трактовки славянского слова.

Как мы видели, этимологические словари упоминают латинское и славянское слова рядом друг с другом нередко только затем, чтобы отвергнуть их родство. В тождестве словосочетаний *uēpum dare* — **vēpo dati* мы видим контекстное подтверждение этимологического тождества *uēpum* = **vēpo*. Этимология славянского слова должна исходить из факта наличия этого древнего, видимо, дославянского, индоевропейского контекста-формулы. Не соответствующие упомянутому общему латинско-славянскому контексту этимологии должны быть отвергнуты, а уже одно это резкое ограничение выбора эти мологического решения для слав. **vēpo* нельзя не считать прогрессом. Сравнение контекстов *uēpum dare* — **vēpo dati* обоядно плодотворно. Чем оно полезно для славянского слова, мы показали. Но оно поучительно и для латинского. Латинское словосочетание сильно идиоматизировано (ср. его эволюцию в сторону цельного слова *vendere*), большая свобода сочетания слав. **vēpo dati* говорит о его архаизме. То, что в латинском уже парадоксально со стороны смысла и нуждается в семантической реконструкции (ср. выше Бенвенист — о значении *uēpum dare* ‘давать продажу’), в славянском еще хранит первоначальную ясность: **vēpo dati* ‘давать плату’. Установившаяся традиция рассматривать латинский как более архаическую индоевропейскую ветвь в области древней индоевропейской терминологии и фразеологии подлежит пересмотру и проверке на конкретном материале и в ряде случаев этой проверки не выдерживает. Латинский насчитывает немало примеров перестройки более древнего состояния, сохраняемого другими языками. В качестве примера, также одновременно интересного для реконструкции древней индоевропейской лексики и фразеологии, упомяну две различных реализаций семантической модели ‘ухо склонить/приклонить’, т. е. ‘слу-

²⁹ В г ѹ с к п е г 610—611.

³⁰ Ф а с м е р I, 291.

³¹ Ю. В. О т к у п щ и к о в. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 243—244.

шать': 1) древняя — и.-е. **ḱl-oꝑs-* в славянском, балтийском, германском и некоторых других (примеры известны); 2) видимо, более новая — **oꝑs-ḱl-* в лат. *aus-cul-to*³².

Древняя глагольная лексика (и фразеология), связанная со слав. **vēno*, не ограничивается вышеупомянутым **vēno datī*, поскольку есть еще глагол **vēniti*, откуда прежде всего — др.-русск., русск.-ц.-слав. *вѣнити* 'продавать', ср. известную евангельскую цитату: не два ли оуто врабы на ссарии вѣнима юста? Мф. X. 29³³. Впрочем, в церковнославянских текстах имеются явные следы иного, медиального употребления этого глагола, неверно толкуемые или совсем не толкуемые в словарях. Например: вѣномъ да ю вѣнить собѣ женѣ. Исх. XXII. 16 (XIV в.). Это место приводится в словаре Срезневского³⁴ на то же значение 'продавать, vendere, πωλεῖν', что и предшествующий пример. А между тем ясно, что здесь речь идет об обязанности выкупить веном, ср. более полную цитату из Рязанской кормчей 1284 г., л. 260 г, приводимую «Словарем древнерусского языка XI—XIV веков» (вып. I): аще прѣльстить кто двцю нешбручену и спить с нею вѣномъ да вѣнить ю собѣ жену. Формульность изречения (ср. *figura etymologica вѣномъ вѣнити*) говорит также о его древности. Некоторая неопределенность, широта значения, наблюдаемая у глагола *vēniti*, может быть отнесена отчасти за счет древнего значения лексической основы **vēn-*, относившегося и к купле и к продаже, отчасти же — за счет морфологических моментов. Последние выражаются в упомянутой медиальности оборота *вѣномъ да ю вѣнить собѣ женѣ* 'пусть он выкупит веном ее себе в жёны' и на редкость напоминают греч. ὠνέομα (**vōsp-ei-o-tai*) 'приобретать (за деньги), покупать' с той разницей, что медиальность греческого глагола выражена морфологически, а в славянском от нее остались лишь следы в семантике. Внешне *vēniti* — это глагол на *-iti*. Глаголы на *-iti* ассоциируются обычно в славянском с каузативным и отыменным значением, хотя справедливо признается, что это скорее вторичная функция глаголов на *-iti*. Непервоначальность каузативного значения у глаголов на *-iti*, значительно большая древность у них иных значений, например итеративного, подтверждается указаниями прочих индоевропейских языков³⁵, в частности балтийских. Как говорит Вайян, «можно заметить, что вся эта маленькая группа каузативов на *-iti* не имеет соответствий в балтийском и кажется новой

³² Из этого следует, что мы не согласны с однословной реконструкцией и.-е. **kleu-* 'слышать' у В. М. Иллич-Свитыча (В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 18).

³³ Срезневский I, стб. 486—487.

³⁴ Там же.

³⁵ K. Vugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904, стр. 535—536.

в славянском»³⁶. Не случайно, например, литовский для выражения каузативности прибегает к морфологическим инновациям, вводя форманты *-dyti*, *-inti*, и если славянский глагол на *-iti* формально тождествен литовскому на *-yti*, то почти регулярно они расходятся по значению: славянскому каузативу противостоит литовское итеративное или смежное значение, полное тождество отмечается лишь для славянских итеративов.

Вернёмся к своему славянскому примеру. Церковнославянское *вѣнити* в притче Христа о воробьях выступает как каузативденоминатив ‘продавать что’, в примере *вѣномъ да ю вѣнить собѣ* — в остаточном медиальном значении ‘купить себе’, и это значение было древнейшим из двух. Вопрос о структуре и образовании слов. **vēn-iti* — это частный вопрос из проблемы формирования славянских глаголов на *-iti* и индоевропейских с формантами *-ei-*. Скорее всего, у этого глагольного форманта был ряд источников, и мы не собираемся говорить здесь обо всех. Однако предположительная предыстория одного из таких глаголов — **vēniti* в том смысле, в каком мы ее себе представляем, может как будто содействовать прояснению некоторых моментов, касающихся всего типа глаголов.

Мы имеем в виду еще одно латинско-славянское соответствие или параллелизм, который предлагаем как гипотезу: слав. **vēniti* — лат. *iēpīt̄ īre*. Это глагольное словосочетание, также рано свернутое в один глагол лат. *iēpeō*, *iēpīre*, значит ‘продаваться, быть проданным’, и его толкуют как страдательный коррелят к упоминавшемуся выше *iēpīt̄ dō*, *iēpīt̄ dare*³⁷. В чем сущность параллелизма слов. **vēn-iti* — лат. *iēpīt̄ īre*, *iēpīre* и в чем состоит его значение для истории славянского слова? Из сказанного выше, как нам кажется, следует, что семантическая реконструкция слав. **vēniti* показывает как бы ретроспективное нарастание у него страдательного значения (от более позднего активного через промежуточное медиальное). Это страдательное значение налицо у лат. *iēpīt̄ īre* ‘продаваться’. Если взглянуть на эти же отношения с точки зрения лексической семантики, то можно говорить о ретроспективном нарастании лексического значения ‘идти’. Иначе говоря, в начале эволюции стояло значение ‘идти’, и это касается не только лат. *iēpeō*, *iēpīre*, для которого это очевидный факт, но и слав. **vēn-iti*, для которого это значение лишь реконструируется (здесь большая архаичность — на стороне латинского). Реконструируемое с помощью лат. *iēpīt̄ īre* значение слав. **vēn-iti* лучше характеризовать не в терминах развитых залоговых отношений,

³⁶ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Paris, 1966, стр. 417. Cp.: E. Frenkeliš. Baltų kalbos. Vertė S. Karaliūnas. Vilnius, 1969, стр. 79, 80 (считает литовский глагольный формант *-inti* древним); Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, стр. 326.

³⁷ E. Benveniste. Указ. соч., стр. 125, 134; Ernout — Meillet s. v. *uenus*, *-m*.

а в плане лексической семантики: что-то вроде "современного идти на продажу"³⁸.

Нижеследующее латинско-славянское сближение отлично семантически. Но его объединяет с рассмотренными такая общая любопытная черта как наглядный переход от словосочетания к слову — сложению или — ретроспективно, в плане реконструкции — столь занимающий в последнее время исследователей-индоевропеистов переход от слова к древнему тексту. Если выше речь шла о правовой терминологии, то теперь мы обратимся к одному из названий окружающей природы: слав. **pola voda* — лат. *palūs / palūdis*. Праславянскую форму мы реконструируем на основании русск. *поля вода* (также *половбъде*, *половбдица*) 'вешний поем по вскрытии рек, разлив по ледоплаве'³⁹. Наши данные по собственно русской истории выражения близки, так сказать, к нулю: например, нам неизвестны древнерусские свидетельства употребления слов *полая вода*, *половодье*, неизвестны, впрочем, и разыскания по истории этих выражений. Кажется, что перед нами еще один случай, когда прозрачность и внешне свободный характер славянского словосочетания как бы усыпляют бдительность исследователя, вызывая у него иллюзии чего-то местного и позднего. Архаизмы ищут преимущественно среди редких и темных языковых явлений, не замечая порой архаизма самых распространенных слов и прозрачных словосочетаний. Повседневность и поздняя письменная фиксация сделали свое дело и в случае со словами *половодье*, *полая вода*. Иногда касались этимологии основы *пол-*, *поло-*⁴⁰, но никому не приходило в голову задаться вопросом о древности всего выражения *полая вода* (*половодье*).

Внешним оправданием такой практики служила, по-видимому, ясная взаимосвязь основ. Не задерживаясь поэтому на самой связи, переходили к компонентам (или компоненту, потому что с компонентом *вода*, *-водье* все было ясно) и дальнейшую этимологизацию проводили уже изолированно. Однако недооценка или попросту игнорирование характера связи между компонентами *пол-* и *вод-* предопределило неудачу этимологий компонента *пол-*, хотя нельзя сказать, что он не пользовался вниманием этимологов. Изолирующий этимологический подход лишил исследователей возможности сделать исчерпывающие выводы даже в наивы-

³⁸ Предлагаемое здесь, таким образом, объяснение глагольного форманта слав. *-iti*, и.-е. *-eij-*, которое сводится к этимологическому отождествлению последнего с полнозначной глагольной основой слав. *iti*, и.-е. **eij-* 'идти', находит некоторую аналогию в толковании глагольных *-n-* формантов из первоначального глагола со значением 'идти делать нечто' (см. А. Б. Долгопольский. Ностратические этимологии и происхождение глагольных формантов. «Этимология». 1968. М., 1971, стр. 237 и сл.).

³⁹ Даль² III, стр. 266.

⁴⁰ См. Фасмер III, стр. 312—313 (половбъде; водопблье).

годнейшей для этого ситуации. Так случилось с Эндзелином, который ближе других подошел к истинному решению и уже дал разрабатываемое нами сближение половодье — лат. *palūs*⁴¹, но его совершенно не интересовал второй компонент латинского слова. Кстати сказать, ему не удалось и этимология первого компонента обоих слов, так как сближение русск. *поло-водье* у Эндзелина с лтш. *pali*, *raļi* ‘наводнение’, лит. *ațpalas* ‘нальдь, вода на льду’ нужно признать неудачным. Эти балтийские имена тесно связаны с активным в балтийских языках глаголом лтш. *pilti* ‘лить, сыпать’, лтш. *pilt*, *pilēt* ‘капать’, являются собственно балтийским продуктом этого глагольного гнезда. Уже это показывает мнимый характер близости лтш. *pali* и русск. *поло-водье*, несмотря на близость их значений. В славянском не было ничего похожего на балтийское глагольно-именное гнездо лтш. *pilti* и родственных. Родство изолированного слав. **rylnъ* ‘полный’: лит. *pilnas* не меняет дела и едва ли может служить для нас основанием предполагать соответствующий праславянский глагол, не говоря уж о производном имени с корневым вокализмом *-o-*. *Половодье*, конечно, не связано с русск. *полный*, вопреки Френкелю⁴². Если говорить сначала о русских и славянских родственных связях слова *половодье*, то можно указать только на русск. *полый*, исключив предварительно упомянутую балтийскую лексику (лит. *pilti*, *ațpalas*) также из родственных связей последнего.

Что касается семантической реконструкции слав. **pola voda*, то это будет не «полная вода» (что отдавало бы народной этимологии), а ‘широкая вода’. На этом кончаются возможности собственно славянской этимологии и можно перейти к латинскому соответствуанию. Сближение слав. **pola voda* и лат. *palūs* программирует выбор этимологии латинского слова, но упрек в произвольном предпочтении одной этимологии всем остальным здесь был бы неуместен, потому что только это сближение удовлетворительно объясняет все слово полностью, удовлетворяя одновременно прочим критериям. Прежде всего со стороны значения лат. *palūs* — это название стоячей воды, болота, лужи. Семантическое родство со слав. **pola voda*, русск. *полая вода* более чем очевидно, потому что при половодье бросается в глаза широкий простор воды, а не ее течение (оно может в зависимости от условий даже отсутствовать, и полая вода при этом стоит). В связи с этим мы отклоняем умозрительные этимологии лат. *palus* от **pel-* ‘течь’, а также от другого **pel-* ‘серый’, далее — лит. *pélkė* ‘болото’⁴³, и сближаем его в пределах родственного латинского материала исключительно с латинским наречием *palam* ‘открыто’, первоначально значившим, как полагают,

⁴¹ J. Endzelin. Baltica.— KZ XLIV, 1911, стр. 65.

⁴² F r a e n k e l I, стр. 592 (s. v. *pilti*, с литературой).

⁴³ W a l d e — H o f m a n n II, стр. 243 (с подробной литературой).

‘широко распространяясь’ и, в свою очередь, убедительно сближенным в этимологической литературе с русск. *полый*⁴⁴. Со стороны формы лат. *palūs*, род. п. *palūdis*, ж. р. — сложение с исходом на согласный древнего вида **pal-ūd-s*, **pal-ūdos*, во второй основе которого содержится индоевропейское название воды с вокализмом корня в ступени редукции⁴⁵.

Отношения пары *iēnūt dare* — **vēno dati* повторяются здесь в еще более яркой форме: слабая идиоматизация, свободное сочетание компонентов (*полая вода*, *половодье*, *водополье*) в славянском и сильная спайка компонентов, вплоть до забвения этимологии, — в латинском. Славянское словосочетание **pola voda* дает, таким образом, ключ к верной этимологии латинского слова. Сближение с латинским лишь наглядно показывает древность славянского сочетания слов. Лексическое значение этих форм и его реальный субстрат (низменный, плоский ландшафт, широкие разливы) могут заинтересовать историков как славянских, так и латинских древностей. Важность соответствия **pola voda* — **pal-ūd-s* в наших глазах нисколько не ниже от того обстоятельства, что это общий архаизм латинского и славянского. Было бы полезно исследовать условия и причины его сохранения именно в этих двух ветвях индоевропейского. Правда, оказывается, сходное словосочетание *palhi-waatar* ‘широкая вода’ есть также в хеттском, на что мне указал В. Н. Топоров (устно), но этот факт заслуживает особого изучения.

В свое время нам приходилось обращать внимание на близость латинских отглагольных существительных на *-tio (-tionem)* и славянских отглагольных существительных на *-tъje*⁴⁶. Эта латинско-славянская словообразовательно-морфологическая параллель выражается, в частности, еще и в том, что в славянском, как и в латинском, соответствующие отглагольные существительные оказываются образованными на базе страдательных причастий прошедшего времени (соотносительность и функциональная близость отглагольных существительных такого типа к славянским инфинитивам вроде ст.-слав. *пропатиє*: *пропати* оказывается вторичной, как вторичны и сами инфинитивы балто-славянского вида). К этим наблюдениям, сообщенным несколько лет назад и касавшимся сближений ст.-слав. *при-јatiе* ‘приём’: лат. *emptio* ‘купля’ и подобных,

⁴⁴ Там же, II, стр. 237.

⁴⁵ Несомненно для нас отнесение компонента *-ūd-* к названию воды признается далеко не всеми, см. W a l d e — H o f m a n n II, стр. 243. Об индоевропейском названии воды см. Э. Б е н в е н и с т. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 44, 51; В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 214; J. K u r z y ɿ o w i c z. Indogermanische Grammatik. Bd. II. Akzent. Ablaut. Heidelberg, 1968, стр. 215 (о чередовании **ud-/*ued-/*uod-* в названии воды).

⁴⁶ О. Н. Т р у б а ч е в. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 377—378.

сейчас могут быть добавлены черты дополнительного словообразовательно-морфологического сходства, интересные тем, что они базируются на той же самой производящей глагольной основе — претеритальном страдательном причастии на *-t*.

В латинском, как и в славянском, существует такая словообразовательная категория, как прилагательные с суффиксом *-iv-* от причастий упомянутого типа. Здесь наблюдаются близкие образования, среди них нас особенно заинтересовали следующие: слав. **dativъ* (русск.-цслав. *дативъи* 'способствующий, служащий': по истинѣ добры възвращению бо и спсению боудоуть разоумѣвающими дативы. Ио. екз. Бог. 318⁴⁷⁾) — лат. *dativus* (*dativum*, по сведениям словарей — начиная с Тацита,ср. *dātiō* ж. р. 'дарение'⁴⁸, позднее обычно *dativus casus* 'дательный падеж'); слав. **-fīvъ* (русск.-цслав. *приативъи* 'принимающий, способный принимать', Панд. Ант. XI в. л. 277⁴⁹⁾) — лат. *ēptivus* (начиная с Павла Феста⁵⁰); слав. **statiūvъ* (распространено в большинстве славянских языков, с легкими морфологическими отклонениями и как правило — субстантивированное, в значении 'ткацкий станок или его часть') — лат. *statiūvus* 'стоячий, неподвижный', сюда же субстантивированное *statiūva*, род. п. *-ōrum*, мн. ч. ср. р. 'военный стан, лагерь', 'остановка в пути, привал'⁵¹; слав. **sētivъ* (нам известно только субстантивированное русск. стар., диал. *сетиво* 'лукошко, корзина для посевного зерна', Мышкинский месяцеслов 1779 г.⁵²) — лат. *sātivus* '(о растениях) посевной, разводимый (т. е. культурный, как противоположность дикорастущим)'.

Как видим, здесь есть образования от достоверно праиндоевропейских глаголов **dō-* 'давать', **stā-/stə-* 'стоять', **sē-/sə-* 'сеять' (латинский обобщил краткие варианты обоих последних корней)⁵³, **et-*. В славянском эти образования немногочисленны, среди них имеются примеры старой субстантивации, что само по себе говорит о древности прилагательных. В латинском модель приобрела широкую вторичную продуктивность⁵⁴, однако для нас, естественно, представляют интерес лишь упомянутые старые производные, параллелизм которых к славянским формам не случаен.

⁴⁷ Срезневский I, стб. 634—635.

⁴⁸ Walde — Hofmann I, стр. 361.

⁴⁹ Срезневский II, стб. 1504.

⁵⁰ Walde — Hofmann I, стр. 400.

⁵¹ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 123.

⁵² Г. А. Богатова. Материалы по русской исторической лексикологии в «Губернских ведомостях». «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 240.

⁵³ Egpoout — Meillet³ II, стр. 1091.

⁵⁴ В этом можно убедиться, обратившись к обратному словарю латинского языка: O. Gradenwitz. *Laterculi vocum latinarum*. Leipzig, 1904, стр. 537—539 (где приводятся прилагательные на *-tivus*).